

М.П.ЧЕРЕДНИКОВА
(Ульяновск)

“МАЛЕНЬКИЙ МАЛЬЧИК” В КОНТЕКСТЕ НОВОГО МИФА

В 70-80-е гг. “садистские стишки” пользовались столь широкой популярностью в подростковой среде, что фольклористы не могли не обратить на них внимания. В вузовских и личных архивах накопилось огромное количество записей. Однако первые публикации появились совсем недавно [см.: 1-4]. Исследователи справедливо связывают появление этого жанра с детской литературой, в частности с дидактической поэзией. По свидетельству В.Ф.Лурье [5, с. 10], автором первого, ставшего классическим, текста “садистского куплета” был ленинградский детский поэт Олег Григорьев. В числе литературных “прообразов” этого жанра называется и широко известное стихотворение С.Михалкова “Фома” [3, с. 132]. Высказывается также предположение о том, что “садистские стишки” — “это взрослый “черный юмор”, опустившийся к детям, усвоенный детьми” [1, с. 9].

Как бы то ни было, фантаσμαгория “садистских стишков” отвечала глубинным потребностям детского сознания. “Черный юмор” за относительно недолгую историю своего развития укоренился в системе детской устной традиции, прошел адаптацию фольклорного жанра в инновационной среде и ее субкультуре” [2, с. 123-124].

В оценках и интерпретации этого явления, как правило, преобладает сугубо идеологический подход. В “садистских стишках” видится ирония по отношению к советской детской литературе, к традиции, которая сложилась в 30-70-е гг. Называются при этом произведения С.Михалкова, Е.Благиной, А.Барто [3, с. 131].

М.Новицкая определяет стихию “садистских стишков” как своеобразное противостояние штампам и канонам официальной идеологии 70-х гг. Второй проблемой этого жанра она считает “распад естественных человеческих связей (в семье, в школе, в обществе, между поколениями) под напором псевдоценностей” [2, с. 106].

Однако отмеченные признаки жанра — скорее проявление особенностей сознания взрослых людей, не без помощи которых рождалась “ироническая поэзия” (авторство Олега Григорьева в этом плане знаменательно). Система социальных, идеологических, литературных аллюзий была характерна для искусства, находящегося под прессом всеобщей политической цензуры. В этих условиях неприятие официальной пропаганды и идеологии выразилось в форме легко запоминающихся иронических двустиший и четверостиший, построенных по модели расхожих детских стихов.

Но не следует забывать, что "переход произведений к детям мог произойти лишь при условии обязательной совместимости его с детской психологией, в соответствии с требованиями своеобразной детской эстетики" [6, с. 13]. Вот эта особенность "садистских стишков", способствующая их органичному вхождению в широкий контекст детского фольклора, пока остается без должного внимания исследователей.

Правда, в указанных работах наблюдаются попытки учесть этот контекст при анализе нового фольклорного жанра. В частности, отмечается влияние на них "в первую очередь страшилки как одной из ведущих форм детской прозы, детской загадки специфического типа, когда требуется остроумный, с точки зрения ребенка, ответ" [2, с. 121]. Однако дальше констатации очевидного факта эти попытки не идут.

Между тем упоминание "страшных рассказов" рядом с "садистскими стишками" не случайно. Последние входят в репертуар детского фольклора в то время, когда происходит преодоление мифологического сознания детства. На смену стихийно-чувственным мифологическим представлениям о мире приходит понятийное мышление, которое ярко проявляется в парадоксальных формах многочисленных детских микродиалогов. Рационализация мифологического образа (а значит, его разрушение) приводит к осознанию условности, вымышленности традиционных мифологических сюжетов "страшных рассказов".

Новый уровень самосознания приводит и к пониманию условности, мифологичности той негативной части программы поведения, которая на протяжении многих лет постулировалась взрослыми. Согласно этой программе каждый самостоятельный шаг ребенка неминуемо грозил ему гибелью. В "садистских стишках" многочисленные родительские запреты из формы условно-предположительной переводятся в план абсолютного утверждения. Так возникает кошмарная панорама бедствий "маленького мальчика", который оказывается под колесами автомашины, под громадой асфальтового катка, в крутящейся бегономешалке или подвергается злодейскому нападению "добротого дяди". На вопрос, имеют ли "садистские стишки" какое-то общее название, Роберт Снегирев (11 лет) ответил: "Не знаю, наверное, "Приключения маленького мальчика".

В бытовании "садистских стишков" обращает на себя внимание факт неоднозначной реакции детей и взрослых на чтение стихотворной миниатюры. Дети, исполняя "стишки", весело смеются. Взрослые, слушая детей, наоборот, пугаются. Чем старше человек, тем более наглядно проявляется негативное отношение к "стишкам". Саша Шаврыгина (6 лет) обнаружила записи "садистских стишков" в папином архиве. Мгновенно запомнив несколько четверостиший, подбежала к бабушке и немедленно поделилась с ней своим знанием. "Какой ужас!" — произнесла бабушка, а девочка весело рассмеялась. Аналогичную реакцию можно наблюдать и у подростков. Когда запись производится в группе

детей, кто-нибудь один проговаривает текст, а остальные весело смеются. О причине смеха Роберт Снегирев сказал: "Смешно, потому что неправда".

Взрослых слушателей сбивают с толку "реалистические элементы" текста. Его основу составляет расхожая бытовая ситуация, создающая иллюзию реальности. Однако это призрачная реальность, ибо мир в "саdistских стишках" одномерен, безысходно трагичен, лишен полутонов, а потому условен и мифологичен.

Подросток уже осознает, что без нарушения тех или иных родительских запретов невозможно познание мира. Однако освоенные под воздействием традиционной культуры правила поведения помогают ему соблюдать необходимую осторожность, чтобы не спровоцировать экстремальную ситуацию. В соответствии с этим инерция родительских запретов вызывает иронию или раздражение.

Моему сыну было 12 лет, когда со своим другом Сашей С. он осваивал район новостройки, в котором мы только что поселились. Мама Саши, уходя на работу, вывешивала список правил поведения, где перечислялось то, чего нельзя было делать: "не ходить на стройку", "не ходить в овраг", "не забираться на чердак" и т.п. Стоило мальчику поделиться с мамой впечатлениями прошедшего дня ("Мы помогли разгрузить тележку арбузов и сами получили арбуз!"), как на плакате запретов появлялась новая запись: "Не разгружать арбузы по просьбе незнакомого дяди". Благодаря такому "инструктажу" мальчики легко составляли программу действий на день: они отбрасывали все "не" и решали, что нужно "пойти в овраг", "прогуляться по стройке" и т.п.

Таким образом, "приключения маленького мальчика" — ироническое воспроизведение мифа взрослых, в чем воспаленном воображении торжество "ужасного случая" оказывается неминуемым законом жизни. Родительские "страшилки", иллюстрирующие систему воспитательных запретов, бумерангом возвращаются в эпатаже "саdistских стишков".

Мифологическая картина непрекращающихся ужасов, происходящих с "маленьким мальчиком" или "маленькой девочкой", — не единственный объект иронии "саdistских стишков".

Второй ее объект — миф взрослых, которые, адресуясь к ребенку, изображают "свой" мир (противопоставленный "чужому") как мир безоблачных, бесконфликтных взаимоотношений. Модель этих идеальных отношений воспроизводит К.К.Немирович-Данченко, используя клишированные поэтические формулы жанра: "Ясное небо, светит солнышко, кораблик по речке плывет, маленький мальчик запускает змея, над ним самолет летит. А в поле девочки цветы собирают. /.../ Любящие бабушки и дедушки ждут из школы своих внуков и внучек..." [3, с. 131].

Исследователи видят в этой парадигме "садистских стишков" "девальвацию лживо-оптимистического "художественного слова" нашей псевдолитературы как следствие господства лжи и "двоемыслия" [1, с. 9]. Однако в лексике, приведенной К.К.Немировичем-Данченко, легко обнаруживается словарь не только детской советской литературы, но и обращенной к детям русской поэзии XIX в. [см., напр., 7] и даже... фольклора. В качестве примера достаточно привести песни-колядки, с которыми на Рождество маленькие дети ходили по домам соседей и родственников:

Маленький мальчик
Сел на стаканчик,
Стаканчик — хруп!
Подайте рупь! [8]

Маленький хлопчик
Заскочил на стольчик,
В дудочку сыграл,
Христа прославлял [9].

Я маленька дівонька,
Як у полі квітонька,
На сопілку граю,
Пісеньку співаю,
Всіх вас розважаю [6, с. 157, № 382].

Эта традиция не имеет никакого отношения к "лживо-оптимистическому" слову псевдолитературы XX в. Тем не менее и в фольклорной лексике и в немудреной картине мира рождественских колядок обнаруживается несомненное сходство с поэзией "для маленьких". Дело в том, что чуткая к детской психологии народная педагогика до определенного возраста, обращаясь к ребенку, сознательно гармонизирует мир. Эта же особенность обнаруживается и в детском фольклоре. "В целом своеобразии детских интересов таково, что не стоит говорить о ярком изображении в детском фольклоре серьезных социальных проблем. Обнаженная, полная правда жизни — это тяжелая пища, — писал И.Франко, выявляя истоки чрезвычайной любви детей к сказкам. — Старшие могут ее переварить, она для них вкусна и здорова. Но детям нельзя ее давать так, как старшим, нужно приготовить ее в разбавленном виде, в прибаутках и присказках. И они так принимают ее" [6, с. 19].

Широкое бытование "садистских стишков" — свидетельство того, что ребенок осваивает иной язык, отличный от традиции, обращенной к маленьким. К.К.Немирович-Данченко справедливо замечает: "Маленький человек понимает, что он уже не ребенок, он начинает чувствовать себя отдельной личностью и в детском коллективе, и в обществе вообще. Его перестает устраивать навязанная ему структура и язык взаимоотношений между взрослыми и детьми. Он ощущает ее нефунк-

циональность" [3, с. 137]. Между тем взрослые продолжают заполнять хрестоматии сочинениями, совсем не соответствующими возрасту, пытаясь разговаривать с подростками на языке их "вчерашнего дня".

Однажды, записывая тексты "садистских стишков", мы услышали четверостишие, нарочито снижающее традиционную рождественскую колядку:

Маленький мальчик
Сел на диванчик.
Ножки поднял, —
Фу, навонял!

Галкин Володя, 11 лет, с. Архангельское, Ульяновской обл.
1991 г. Архив автора.

Подросток бессознательно соединил две столь разные традиции детского фольклора.

Таким образом, внутри жанра "садистских стишков" создаются сложные диалогические отношения как с культурой взрослых, так и с субкультурой малышей. Сентиментальному универсуму мифа, обращенного к детям, противопоставляется его полная противоположность.

Основу микросюжета "садистского стишка" составляет трагическая ситуация. Однако в отличие от "страшных историй", трагедия здесь не результат действия сверхъестественной силы, врывающейся в человеческую жизнь откуда-то извне, а разрушительная сила, которую несет в себе сам человек. Стихийность зла, его непредсказуемость в жанровом универсуме "садистских стишков" одинаково уравнивают всех участников событий — взрослых и детей. Переакцентировка традиционных оценок особенно наглядно проявляется в изображении "маленького мальчика", который выступает в двух противоположных ипостасях: то как жертва, то как страшный злодей, несущий в себе угрозу не только человеку, но и миру вообще. В вымороченном мифологическом пространстве действия и "старых" и "малых" лишены нравственных ограничений, это поведение вне каких бы то ни было запретов, а значит, вне культуры.

Из ирреального мира "садистских стишков" исключен "человек культурный". За множеством социальных масок: "маленький мальчик", "девочка", "дети", "мать", "отец", "учитель", "дядя", "тетя" и т.п. — прячется личина зомби, робота, сеющего смерть и разрушение. Человек в этом мире — орудие безликой слепой силы, методично истребляющей жизнь. Он не выделен из мира механизмов, действующих по некоему дьявольскому произволу. Угроза жизни исходит от гигантских бетономешалок, асфальтовых катков, бульдозеров и автомашин в той же степени, что и от "добренских" дядей, тетей, родителей, бабушек и дедушек. Персонажи "садистских стишков" — оборотни, они только внешне напоминают людей. На самом деле они лишены элемен-

тарных человеческих переживаний и привязанностей. Если персонажи "стишков" иногда и смеются, их смех — смех идиотов:

Выстрел, раздался жалобный крик,
"Сорок второй", — ухмыльнулся старик.
Долго смеялась счастливая мать:
Труп в крематорий не надо сдавать.

Записано А.Б.Атанцевым от Андрея Кочергина, 12 лет,
г.Ульяновск, 1989. Архив автора.

Быстро сгорели детские кости —
Долго смеялись безумные гости.

Записано И.А.Борисовой от Владиславы Кисилевой, 17 лет,
г. Ульяновск, 1990 г. Архив УГПИ.

Ирреальность изображаемого усугубляется за счет трансформации сквозных в детской мифологии диссоциированных образов ("рука", "зубы", "глаза" и т.п.). В текстах "садистских стишков" они становятся сюрреалистическими деталями фантазмагорического вымороченного мира "нежити":

Маленький мальчик на лифте катался,
Он на десятый этаж поднимался,
Руку он высунул, кнопку нажал,
Пальцы на лестнице дядя собрал [4, № 19].

Девушка с парнем лежали во ржи.
Тихо комбайн стоял у межи.
Тихо завелся, тихо пошел,
Кто-то в буханке зубы нашел.

Записано И.А.Борисовой от Владиславы Кисилевой, 17 лет,
г. Ульяновск, 1990. Архив УГПИ.

Девочка Нина пошла по малину,
В лесу наступила на старую мину.
Надолго, надолго запомнились мне
Ее голубые глаза на сосне.

Записано И.Ш.Манушевой от Рината Манушева, 8 лет,
п. Старотимовкино Ульяновской обл., 1990 г. Архив автора.

Вещные приметы реального мира оказываются гранью, за которой скрывается мир хаоса и абсурда. Благодаря игре смыслами "на грани реальности" и создается диалогическая природа "садистских стишков". Условность этой поэтической игры хорошо понятна детям. Они весело смеются над взрослыми, воспринимающими тексты "стишков" без поправки на шутку. Смеются над собой вчерашними, принимавшими "воспитательную мифологию" взрослых за реальность.

Диалогическое напряжение создается за счет поэтической формы "стишков", благодаря которой бодрый ритм расхожих детских книжек

вступает в противоречие с содержанием текста. Это несовпадение эмоционального содержания стихотворного ритмического рисунка с семантикой изображаемого события — прием, широко используемый в иронической поэзии, в частности в поэзии обзариутов.

Интересную аналогию восприятию детьми "садистских стишков" находим в воспоминаниях Г.Сапгира о лианозовской поэтической группе. Он рассказывает о том, как однажды услышал маленькое стихотворение Евг.Кропивницкого:

Был он юный и влюбленный,
Подарил ей нитку бус.
Ярким счастьем упоенный,
Он попал под автобус.

Говорили: как попал?!
И росла, росла толпа...
Окровавленный лежал он
У трамвайного столба.

"Первая моя реакция, — пишет Г.Сапгир, — я стал хохотать. Мне показалось, что стихотворение излучает радость. И действительно: и по ритму, и по содержанию в этом, вроде бы грустном, стихотворении была радость жизни" [10].

Выше приводилось высказывание подростка о "садистских стишках": "Смешно, потому что неправда". Четырнадцатилетняя Катя Лютова, произнеся двустихие:

Маленький мальчик варил холодец, —
По полу ползал безногий отец, —

призналась: "Я так смеялась почему-то. Как-то странно. Смешно, потому что не может такого быть."

Ребенку не страшно, а смешно потому, что сам он воспринимает условный текст с точки зрения нравственных постулатов культуры, которые стали его внутренними приобретениями и определили собственное его поведение. "При вхождении в культуру, — отмечает Л.С.Выготский, — ребенок не только берет нечто от культуры, усваивает нечто, прививает себе нечто извне, но и сама культура глубоко перерабатывает природный состав поведения ребенка и перекраивает совершенно по-новому весь ход его развития" [11, с. 294].

Вместе с тем нельзя не согласиться с М.Ю.Новицкой в том, что фантазмагория "садистских стишков" чудовищно обнаруживает себя в реальной действительности, "грозно глянувшей на нас ... со страниц публицистических очерков о детской и подростковой якобы немотивированной преступности" [2, с. 115]. Факт этот, безусловно, требует своего объяснения. Дело в том, что подростковый возраст — время, когда особенно наглядно проявляются результаты длительного про-

цесса — "процесса вrastания ребенка в культуру" [11, с. 303]. Л.С.Выготский замечает: "Мы склонны поставить знак равенства между личностью ребенка и его культурным развитием. Личность, таким образом, есть понятие социальное, она охватывает надприродное, историческое в человеке. Она не врожденна, но возникает в результате культурного развития... Она охватывает единство поведения, которое отличается признаком овладения" [11, с. 315].

В том случае, если подросток воспринимает мифологическое пространство "садистских стишков" серьезно, как реальность и моделирует свое поведение по этому "образчику", можно говорить о примитивизме как признаке его психического развития, ибо "примитивность — отрицательный полюс культурности. Ребенок-примитив — это ребенок, не проделавший культурного развития или, точнее, находящийся на самых низших ступенях культурного развития" [11, с. 39].

Анализ показывает, что жанр "садистских стишков" стал последним этапом в развитии детской мифологии, свидетельствующим о том, что ребенок вполне сознательно использует "язык" мифа, творит по его законам, создавая мифологический универсум, в котором "старый способ мышления ... становится предметом преобразования, вызывающим, провоцирующим иронию" [12]. В этом универсуме мир, лишенный каких бы то ни было ограничений и запретов, предстает как антимир, как хаос, противостоящий жизни и опасный для нее.

Подросток с трудом определяет "норму", идеал человеческих взаимоотношений. Однако, что такое отклонение от нормы, он уже хорошо знает. Когда ребенок по поводу "садистских стишков" говорит: "Смешно, потому что не может такого быть", — это значит, что он не допускает ничего подобного в горизонте собственного культурного поведения. Таким образом, бытование жанра "садистских стишков" — свидетельство нового уровня сознания и самосознания, когда поступки ребенка определяются уже не внешними (извне идущими) постулатами, а выбором, основанным на самоовладении своим поведением.

Литература

1. Новицкая М.Ю. "Недетские" страшилки // Слово. 1990. № 11. С. 9-10.
2. Новицкая М.Ю. Формы иронической поэзии в современной детской фольклорной традиции // Школьный быт и фольклор. Ч. 1. Таллинн, 1992. С. 100-123.
3. Немирович-Данченко К.К. Наблюдения над структурой "садистских стишков" // Школьный быт и фольклор. Ч. 1. С. 124-137.
4. "Садистские стишки": Из коллекций А.Ф.Белоусова, К.К.Немировича-Данченко и А.Л.Топоркова // Школьный быт и фольклор. Ч. 1. С. 138-150.
5. Лурье В.Ф. Краткая антология фольклора младших школьников // Школьный быт и фольклор. Ч. 1. С. 10.
6. Довженко Г.В., Луганська К.М. Дитяча поезія. // Дитяча пісня та речитативи. Київ, 1991.
7. Русская поэзия детям / Вступ. ст., сост. Е.О.Путиловой. Л., 1989.
8. Архив автора.
9. Календарно-обрядовая поэзия сибиряков. Новосибирск, 1981. С. 63, № 75.

10. Кулаков Вл. Лианозово: История одной поэтической группы // Вопросы литературы. 1991. № 3. С. 26.

11. Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Выготский Л.С. Собр. соч.: в 6-ти т. Т. 3. М., 1983.

12. Библер В.С. От наукоучения — к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М., 1991. С. 190.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Маленький мальчик веревку нашел,
С этой веревкой он в школу пошел.
Долго смеялись потом в педсовете:
Лысый директор висит в туалете.
2. Маленький мальчик на вишню залез,
Сторож Иваныч вскинул обрез.
Выстрел, раздался жалобный крик.
"Сорок второй", — ухмыльнулся старик.

Записано Н.П.Игнатовой от Андрея Кукаркина,
12 лет, г. Новоульяновск, 1990. Архив автора.

3. Маленький мальчик на вишню залез,
Дед Афанасий вскинул обрез.
Выстрел раздался, и сторож упал:
Мальчик свой маузер раньше достал.

Записано С.Солодовниковой от Сережи Заварзина,
11 лет, п. Тереньга Ульяновской обл., 1990. Архив автора.

4. Девочка Маша в мячик играла,
В дядю большого случайно попала.
Дядя сказал ей: "У, стрекоза!"
Долго на пальцах моргали глаза.

5. Бабка в калошах грядку копала,
Сверху на бабку что-то упало.
То был, ребята, фашистский снаряд.
Бабушки нет, а калоши стоят.

Записано Н.П.Игнатовой от Андрея Лепихина, 12 лет,
г. Новоульяновск, 1990. Архив автора.

6. Маленький мальчик нашел ананас,
Чем-то похож на немецкий фугас.
Маленький мальчик хотел его съесть,
Зубы нашли километров за шесть.

7. Маленький мальчик в кровати лежал,
На нос ему опустился комар.
Только блеснула сталь топора,
Папа убил того комара.

Записано Ю.Тимаевой от Валеры Лапушкина, 10 лет,
г. Ульяновск, 1990. Архив автора.

8. Маленький мальчик химиком стал,
Всякую гадость в банку совал.
Смешал он цемент с вишневым вареньем,
Папа скончался в ужасных мученьях.
9. Детка в лесу собирала малину,
Левой ногой наступила на мину.
Долго мне будут сниться во сне
Ее голубые глаза на сосне.
10. Маленький мальчик в котельной играл,
Всякие краники сам открывал.
Красный открыл — и горячий поток
Вынес вареного мяса кусок.

Записано Е.А.Денисовой от Люды Железкиной, 13 лет,
г. Ульяновск, 1990. Архив автора.

11. Маленький мальчик бумажку нашел,
Маленький мальчик покакать пошел.
Долго смеялась потом детвора —
Эта бумажка наждачной была.
12. Маленький мальчик нашел пистолет,
Долго стонал в жопу раненный дед.
13. Маленький мальчик играл в водолаза,
Смело спустился на дно унитаза.
Добренький дядя нажал на педаль —
Мальчик умчался в бурлящую даль.

Записано Ю.Ю.Расторгуевой от Юры Куриловича, 16 лет,
г. Ульяновск, 1989. Архив автора.

14. Маленький мальчик играл в водолаза,
Смело нырял на дно унитаза.
Добренький дядя нажал на педаль —
Мальчик умчался в далекую даль.
Тихо плещется вода в унитазе,
Не забудем никогда Ваньку-водолаза.
15. Маленький мальчик нашел автомат —
Много в деревне безглазых ребят.
16. Дети в подвале играли в садистов —
Зверски замучен отряд каратистов.

Записано И.Ш.Манушевой от Рината Манушева, 8 лет, п. Старо-
тимошкино Барышского р-на Ульяновской обл., 1990.
Архив автора.

17. Маленькие дети играли в "СС" —
Весь перемучен третий подъезд.

Записано О.Ковалевой от Андрея Колобова, 12 лет, г. Ульяновск,
1991. Фольклорный архив УГПИ.

18. Дети в подъезде играли в роддом —
Умер от родов наш управдом.
19. Маленький мальчик со сломанной ножкой
Супчик хлебал деревянной ложкой.
Мать с укоризною смотрит на сына:
"Хорош обжираться, хромая скотина!"
Записано Н.В.Мищенко от Наиля Забарова, 15 лет, г. Ульяновск,
1990. Архив автора.
20. Маленький мальчик по крыше гулял,
Брат его к краю его подгонял.
Он поскользнулся нечаянно ножкой —
"Нет, не умеет летать мой Сережка!"
21. Маленький мальчик плавал в реке,
Ему папа булыжник приделал к ноге.
"Нырни, мой сыночек, и мне скажи "ам" —
Кепочка долго плыла по волнам.
Записано О.Ю.Стемасовой от Юры Вольского, 13 лет,
г. Ульяновск, 1988. Фольклорный архив УГПИ.
22. Девочка Таня скальпель нашла,
Тихо к маме подкралась она.
Долго мама понять не могла,
Куда подевалась ее голова.
Записано О.Ю.Стемасовой от Сергея Гамера, 10 лет,
г. Ульяновск, 1988. Фольклорный архив УГПИ.
23. Мальчик Сережа учился стрелять.
Выстрелил в бабушку, выстрелил в мать.
"Хватит, сынок, за уроки пора!" —
Папы последние были слова.
Записано О.Ю.Стемасовой от Максима Романюка, 12 лет,
г. Ульяновск, 1988. Фольклорный архив УГПИ.
24. Мама цианистый калий нашла,
Его в пирожок положила она.
Маленький Саша стал его кушать —
Больше не будет он мамочку слушать.
25. Дети на улице в прятки играли.
Мимо канавы с водой протекали.
Девочка Маша спряталась в яму —
Нет, не пришлась ей увидеться с мамой.
Записано О.Ю.Стемасовой от Славы Малышева, 11 лет,
г. Ульяновск, 1988. Фольклорный архив УГПИ.
26. Машина комбайн в поле хлеб собирала.
За стогом любовная пара играла.
И долго люди понять не могли,
Какую морковь они в хлебе нашли.
Записано М.Тупикиной от Оли Калининой, 11 лет, г. Ульяновск,
1988. Фольклорный архив УГПИ.

27. Мальчик Сергей на балконе стоял,
Тяжелые камни с балкона бросал.
Мамочка, мама, а где наш Алешка? —
Внизу лежала только лепешка.
Записано М.Тупикиной от Лены Цыгановой, 12 лет, г. Ульяновск,
1988. Фольклорный архив УГПИ.
28. Маленький мальчик гвоздь проглотил.
Медленно гвоздик потом выходил.
Записано М.Тупикиной от Зули Гулямовой, 11 лет, г. Ульяновск,
1988. Фольклорный архив УГПИ.
29. Маленький мальчик купил "Беломор",
Был в деревне и голод, и мор.
30. Маленький мальчик купил волкодава —
ЧМО без ушей торчит из подвала.
31. Маленький мальчик скакал на лошадке,
У лошадки родились ребятки.
Записано Г.Федотовой от Сережи Русева, 9 лет, с. Самайкино Новоспас-
ского р-на Ульяновской обл., 1990. Архив автора.
32. Маленький мальчик нашел динамит —
Вон его череп на ветке висит.
Записано от Роберта Снегирева, 11 лет, г. Ульяновск, 1991.
Архив автора.
33. Мальчик Илья на песочке играл,
Тихо к нему подкатил самосвал.
Не было крика, не было стона,
Только сандальки торчат из бетона.
Записано Т.В.Ворониной от Руслана Аникина, 18 лет, г. Дмитров-
град, 1990. Архив автора.
34. Маленький мальчик с котенком играл,
Мимо большущий коток проезжал.
Мальчик хотел посмотреть на систему —
Мальчика можно повесить на стену.
35. Дети в подвале играли в гестапо.
Зверски замучен был Леночкин папа.
Записано М.В.Завада от Алексея Завады, 11 лет, г. Ульяновск,
1990. Архив автора.
36. Маленький мальчик в ванне купался,
Тихо и мирно водой обливался.
Мама подкралась, платьем шурша,
Взмах табуретки — и нет малыша.
37. Девочка Оля на речку пошла.
В среду нырнула, в субботу всплыла.

38. Миша ехал на машине,
Весь размазанный по шине.
39. Маленький мальчик полез в холодильник,
Маленькой ножкой нажал на рубильник.
Быстро замерзли сопли в носу,
Так и не съел он свою колбасу.
- Самозапись Светы Старостиной, 18 лет, г. Ульяновск, 1990.
Архив автора.
40. Маленький мальчик нашел пулемет,
Больше в деревне никто не живет.
Кроме деда Архимеда, у которого торпеда,
Кроме бабки-паразитки, у которой две зенитки.
41. Желтые крыши, стены в полоску,
Мальчик на крыше отпиливал доску.
Гулко о землю ударили кости,
Век не поедem мы к бабушке в гости.
- Записано О.В.Ковалевой от Андрея Ставского, 13 лет,
г. Ульяновск, 1990. Архив автора.
42. Маленький мальчик нашел кимоно,
Десять приемов узнал из кино.
- С криком "кия!" и ударом ноги
Папины яйца текут в сапоги.
- Записано С.Ермиловой от Андрея Жукова, 12 лет, г. Ульяновск,
1990. Архив автора.
43. Маленький мальчик нашел автомат —
В братской могиле лежит детский сад.
- Записано И.А.Борисовой от Владиславы Кисилевой, 17 лет,
г. Ульяновск, 1990. Фольклорный архив УГПИ.